

Земляки Шукшина

2207

ИСТОКИ

*Есть на Алтае село Сро-
стки. Непримерное с виду,
оно обязано своей извес-
тностью Василию Шукши-
ну — писателю, режиссеру,
киноактеру. Здесь он ро-
дился и вырос, оставив у
земляков добрую память о
себе. Дом, где он жил, ны-
не стал музеем. Именем
Шукшина названа средняя
школа, в которой он учил-
ся. В нашей стране немало
поклонников таланта этого
самобытного, безвременно
ушедшего художника.*

младшего, признался-таки, что история дяди «не лишена смысла». Из жизни взято...

Слушал я Ивана Тихоновича, а сам вспоминал размышления писателя: «Жизнь — это, брат, тоже школа, только лучше». Кстати, именно этими словами открывается уголок Шукшина в Сростинской школе.

— Мы вообще-то с ним дальние родственники, — рассказывает завуч Надежда Алексеевна Ядыкина. — В детстве дружили, в каникулы вместе работали на току. Однажды нас послали ворошить зерно, а тут гроза разразилась. Дело к ночи. Опасаясь, как бы не разворовали зерно, бригадир дядя Ермолай попросил Васю и Гришу Новоселова посторожить ток. Проводив нас, бригадир тоже заспешил в поле: «Как бы чего не случилось с парнишками!» А утром — скандал. Оказывается, стражники заснули на «посту», а признаться в том не хотели. Вранье вывело из терпения дядю Ермолая. И этот урок честности, полученный в детстве, до мельчайших подробностей воспроизведен писателем в одном из рассказов.

С волнением вспоминает Надежда Алексеевна и многих других прототипов шукшинских героев. Прежде всего бывшего председателя сельского Совета Григория Георгиевича Трофимова. Его — организатора перевозки хлеба через бурлящую весеннюю реку, — земляки сразу узнали в лодочнике. Или вот вышивальщица А. В. Прокопьева. Она выведена в одном из рассказов в образе Мальшихи.

— А Олег Бычков, не он ли послужил прообразом Пашки Колокольникова?

— Он. Бычков был другом детства Васи. Жили они рядом, вместе росли. Все знали его как первоклассного води-

теля. Олег еще возил артистов, снимавших «Печки-лапочки».

Многие из тех, с кем довелось беседовать в Сростках, признавались, что не сразу приняли героев своего земляка, этаких «чудиков», которые вроде бы не от мира сего. И только потом понял, что «чудики» были лишь штрихами большой социальной картины, созданной Шукшиным, что герои писателя — люди яркой и самобытной судьбы.

Надо сказать, Шукшин сильно переживал прохладное отношение земляков. Собираясь выбрать родную деревню на постоянное жительство, он дорожил мнением односельчан, терпеливо ждал их взаимопонимания. Много сделала для этого библиотекарь Дарья Ильинична Фалеева.

— Вася был настоящим другом библиотеки, — рассказывает она. — Читал запоем. Но когда впервые попросил подобрать ему книги по искусству: вот, мол, собираюсь поступать в институт кинематографии, — я растерялась. А он, в кирзовых сапогах, в простеньком костюме, весь подобрался. И столько было в нем решительности и уверенности, что я поверила: а ведь поступит.

Впоследствии Дарья Ильинична стала одной из значительниц открытия музея Шукшина и сейчас работает здесь. Это она поведала нам историю о том, как в трудную годину, не посетившись ни с чем, Марья Сергеевна, мать, продала просторный дом с баней и хорошей пристройкой, лишь бы Вася смог доучиться. Зато потом, спустя годы, сын воздал сторицей за эти заботы, собственноручно построил и баньку, и веранду.

Поведала Дарья Ильинична и о том, как тепло принимал Шукшина земляки на встрече в клубе. Отношение дыбрияков к нему наиболее полно выразил его школьный товарищ Василий Яковлевич Рябчиков. Простой рабочий, он нашел задушевные слова.

— Спасибо тебе, Макарыч, за все. За память. За любовь к родной земле, за верность людям, живущим на ней.

В. САПОВ.

(Корр. «Правды»).

Алтайский край.

Вспоминаю первые литературные чтения, посвященные творчеству Шукшина. На горе Бикет, где любил проводить досуг Василий Макарович, народу — как ромашек на лугу. С вершины, будто на ладони, открываются березовые колки, «сросшиеся» старицы (отсюда, видимо, и пошло название села), излучина стремительной голубой Катунь-реки, зеленый ковер поймы, окутанной дымкой. Земля эта поистине вольна и прекрасна. И недаром Шукшин писал однажды: «Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство... Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях, о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет...»

— Вот тут он снимал последние кадры фильма «Печки-лапочки», — слегка притопнув ногой, сказал мой спутник — директор племсовхоза «Катунь» И. Т. Юрченко. — Помните: сидит Шукшин босой и говорит, мол, все, ребята, конец. Наездился его герой-отпускник, повидал всякого, и родные места стали ему еще милее и дороже. В своих произведениях он изменил название только родного села — Баклань вместо Сросток, а остальные названия остались, как есть: Солтон, Суртайка, Галица, Краушкино...

Мой собеседник не просто почитатель таланта Шукшина. Знаток литературы и искусства, час назад Иван Тихонович знакомил меня со своей обширной библиотекой, а теперь вот участвует в разговоре с писателями и артистами, хорошо знавшими Василия Макаровича. Юрченко — человек любознательный, интеллигент в подлинном понимании этого слова. Без отрыва от производства защитил кандидатскую диссертацию. И очень жалеет, что в свое время не довелось пообщаться с земляком.

— Не хотелось ему надоедать! — обронил с горечью. — Нет, вы только почитайте его «Наказ». Про то, как бывалый солдат Максим Думнов дает наставление племяннику Григорию, только что избранному председателем колхоза. Не рассказ — целая школа хозяйствования! И слова там вроде простые, обыденные. И пример с кулачной дракой приводятся, какется, невпопад. А тронули эти слова душу Думнова-